

О стихийности атак и морализаторстве насилия

Guará

Guará

О стихийности атак и морализаторстве насилия

Скопировано 2019-05-19 с <https://a2day.net/o-stihijnosti-atak-i-moralizatorstve-nasiliya/>
[Перепечатано из фэнзина «INSURGENCY: Анархистский журнал полного уничтожения», доступного на Warzone Distro, 2019], перевод с французского **Анархия Сегодня**

ru.theanarchistlibrary.org

Анархисты всегда были одними из самых радикальных и бескомпромиссных врагов системы. Поэтому мы всегда были одними из тех, кто готов использовать наступательную тактику, такую как насилие. Однако дискуссии о насилии в анархистских кругах – это сложные и противоречивые дискуссии, которые часто увязают в цивилизованной (и особенно левой) морали.

С самого начала движения в 19 веке подавляющее большинство анархистов согласилось с необходимостью насилия как инструмента против системы. Однако на практике реальное использование анархистского насилия привело к сильным разногласиям среди анархистов.

Такие разногласия проявляются в дискуссиях вокруг идеи «пропаганды делом», которая породила много споров в конце 19-го века и начале 20-го века. В то время вдохновляющие восстания анархистов, таких как Равашоль, банды Бонно и Северино-Ди-Джованни, были признаны и приветствовались многими анархистами, но при этом

большинство анархистов того времени стремилось отделиться от таких действий. Многие зашли так далеко, что утверждали, что все они были не более чем антисоциальными террористами, которые не имели ничего общего с «движением».

В 1901 году Леон Чолгош, иммигрант-анархист, выстрелил в живот Уильяма Мак-Кинли, тогдашнего президента Соединенных Штатов. Мак-Кинли умер через несколько дней. Несмотря на то, что единственным человеком, который стал мишенью этой атаки был тиран, который руководил империей, убийство Мак-Кинли вызвало большое возмущение среди анархистов того времени, которые осудили действия не только по тактическим но и по моральным причинам. За редкими исключениями единственными анархистами, которые в то время поддерживали Чолгоша и его действия, были Эмма Гольдман (которая была заключена в тюрьму государством в отместку за якобы причастность к подготовке этого покушения) и некоторые итальянские анархисты.

Стоит конечно признать, что подобные действия вызвали определённые последствия. Государство использовало это в качестве предлога для разжигания антианархистских и антииммигрантских настроений, что привело к волне репрессий. Тем не менее, критики зашли слишком далеко, многие анархисты пытались полностью отрицать любую связь между актом «безумного дурака» и анархизмом. Такие анархисты, кажется, считают, что любой анархист, который готов действовать от себя, не задумываясь о том, что думают авторитеты «движения» или масс, не является настоящим анархистом и должен быть исключен из «движения». Тем не менее, как мы можем притворяться, что защищаем анархию, пытаясь контролировать действия тех, кто предпочитает действовать, не спрашивая разрешения? Такое противоречие вызывает тревогу.

Еще одна дискуссия, в которой подчеркивается преобладающая цивилизованная мораль в движении, – это нынешняя дискуссия о применении наступательной тактики и насилия.

Анархизм часто ассоциируется с насилием, что неудивительно, если взглянуть на его историю (и тот факт, что большинство анархистов выступают за насильственную революцию). Большинству тех, кто считает себя анархистами (даже те, кто участвует в наступательных действиях), очень трудно отрицать, что «движение» является насильственным. Они говорят, что уничтожение собственности не является насильственным, что любое насилие, совершаемое «настоящими анархистами», является насильственным оборонительным актом или что только государство в действительности является насильственным.

Есть и те, кто утверждает, что позитивное восприятие наступательной тактики анархистами является лишь отражением «мачистской» динамики. Если такая динамика существует и влияет на анархистские проекты, должны ли мы принять такое гендерное и эссенциалистское восприятие насилия и относить насилие к области «характерной для мужчин»? А как насчет насилия «женщин» и радикальности сторонних людей, которые решились контратаковать? Являются ли они «мачистами» тоже?

За исключением связи насилия с мачистским поведением, все эти аргументы способствуют морализации насилия, которое считается «ненужным злом». Я даже видел, как анархисты говорили, что никогда не надо шутить (!!!), принимая участие в наступательных действиях. Должны ли те, кто решает бороться, отказаться от своих чувств и стать просто боевыми машинами?

Хотя фетишизация насилия может быть проблематичной (особенно когда она исходит от тех, кто никогда не испытывал это лично), то же самое относится и к его дис-

кредитированию. В обществе, основанном на монополизации насилия со стороны государства, а также на усмирении и разоружении его подчиненных, мы не должны стесняться признавать себя ожесточёнными и восхвалять насильственные действия совершаемые против тех, кто делает нашу жизнь несчастной и ведет войну за все, что является диким.

Я не говорю, что мы должны безоговорочно поддерживать все акты насилия, совершаемые анархистами (ничто не должно поддерживаться без разбора). Но мы также не должны интерпретировать эти действия через моралистскую призму, которая пытается обособить «моральных» анархистов, которые признают насилие только тогда, когда оно служит целям “движения” (какого движения?) от «антисоциальных преступников». Вместо этого мы должны понимать, что насилие присуще анархистской борьбе так же, как и самой жизни. Всегда будут существовать стихийные элементы, которые будут ощущать необходимость противодействия обществу, независимо от того, поддерживаются ли они «массами», или же условия благоприятствуют таким действиям. Только принимая эти элементы и отвергая морализацию насилия, мы можем стать силой, которая будет сеять страх в сердцах тех, кто поддерживает цивилизованный порядок.